

УДК 821.161.1 (Русская литература)

«ЧУЖОЕ СЛОВО» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ВЕКТОРЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ

© 2021 Г.В. Денисова

Денисова Галина Валерьевна, доктор культурологии, зав. кафедрой психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии

E-mail: g.v.denissova@gmail.com

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 02.08.2021

Предмет статьи: проблематика интертекстуального преломления в современном художественном дискурсе. *Объект статьи:* «диалог» в русской прозе конца XX-начала XXI вв.. *Цель проекта:* актуализировать идеи М.М. Бахтина для современного литературоведения. *Методология работы:* контекст изучения научного творчества М.М. Бахтина с помощью литературоведческого и культурологического подходов. *Результаты работы:* пародия, способствующая построению иной художественной парадигмы, в культуре XXI вв. оказалась явлением довольно редким, поскольку интертекстуальные стратегии перестали вести к выстраиванию на интерпретативном разграничении по линии авторства лирической интонации осмысления и переосмысления. *Область применения результатов:* диалог, отразивший новый многоуровневый путь исследования работ Бахтина, как основа формирования новой художественной парадигмы. *Вывод:* в развитии художественного дискурса рубежа XX–XXI вв. отчетливо выделяются два вектора: первый занимается поиском новых художественных средств выражения и вызван потребностью в осмыслении произошедших на уровне лингвокультурного поведения перемен и стремлением к определенному синтезу; второй вектор характеризуется возвращением в сферу нерелективного дискурса.

Ключевые слова: интертекстуальность, диалогизм, пародия, художественный дискурс.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-244-248

Введение. М.М. Бахтину принадлежит мысль, что творческий голос всегда может быть только вторым голосом в слове. Подобно Ю.Н. Тынянову, мыслитель выделял в слове смысловую направленность, объясняя, что в одном слове «оказываются две смысловые направленности, два голоса», поэтому оно «ощущается» как чужое [2, с. 253]. Являясь «диалогическим», слово становится затем «полифоническим», поскольку в нем слышатся голоса сразу нескольких дискурсивных инстанций. Иными словами, любое высказывание, согласно бахтинскому учению, всегда является новым, т.к. в нем изменяются прагматические ориентиры субъекта, места и времени. «Чужое слово», которое проявляется в таких формах, как стилизация, пародия, полемика и пр., представляет собой слово имплицитное, которое несет в себе отклик на другое слово. Именно это положение явилось отправной точкой для постструктуралистских утверждений о тексте как «раскавыченной цитате». Диалогиче-

ский принцип, включенный Бахтиным во всеобъемлющую концепцию культуры, означает принципиальную открытость как самой языковой единицы, так и ее взаимодействия с другими единицами [6].

В частности, оно стимулирует образование экспрессивных и оценочных коннотаций; монтаж синтаксических структур, базой которого служит явление цитации; преобразование объективной информации в модальную. Переплетение «своей» и «чужой» речи, как явное, так или имплицитное, может принимать самые разнообразные формы (цитирование, косвенная, прямая или несобственно-прямая речь, повторы, реминисценции, цитатные вопросы, интертексты-мемы и т.д.), сущность различия между которыми сводится к степени сохранности/искаженности «чужого слова», целям его введения в текст, а также к способу его выделенности в новом контексте. Данный подход, при котором «другой» понимается как коллективный

субъект, действующий в рамках определенной лингвокультуры, также встраивается в бахтинскую традицию понимания «текста» в широком, метафорическом смысле, который не сводится к текстам литературным.

Метод исследования. В основу работы положен принцип системности, который определяет набор соответствующих методов исследования, а именно: интегративный метод, дающий возможность использования данных различных областей гуманитарного знания; аксиологический метод, позволяющий установить ценностные ориентиры и применяющийся при рассмотрении особенностей культурного взаимодействия в условиях глобализации; метод диалога культур, который способствует осмыслению архетипов национального менталитета.

История вопроса. Работа выполнена в русле междисциплинарного подхода, объединяющего социально-философские, культурологические и лингвокультуроведческие исследования диалога культур (М.М. Бахтин, В.С. Библер и др.), феномена текста (М.М. Бахтин, У. Эко и др.); семиотику культуры (Н.И. Воронина, Ю.М. Лотман, А.П. Лободанов, Н.Л. Новикова и др.); основные положения теории прецедентности (Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Ю.Е. Прохоров, Ю.А. Сорокин и др.).

«Чужое слово» традиционно связывают с коллажной структурой поэтики постмодернизма, но в действительности человечество, начиная с античности, всегда было склонно цитировать предшественников, соглашаясь или полемизируя с тем или иным культурным контекстом. Интертекстуальные связи, таким образом, не являются достоянием постмодернизма, но являются собой постоянную величину, свойственную культуре вообще. Однако верно и то, что именно постмодернизм сделал возможным диалог разных культурных языков, провозгласив пародийность и игру своими основополагающими приемами.

Возникший как результат осмысления процессов взаимодействия текстов и сознания, постмодернизм является не просто эстетической системой, но целой философией, которая определяет суть эпохи, отражает сложившееся состояние и принципиально новое стилевое поведение, сформировавшееся в рамках изменившегося речевого поведения. Постмодернизм начинается эпоху постмодерна, являясь ее первым периодом, аналогично тому, как модернизм завершил

эпоху модерна [1, с. 218]. Своеобразным признаком «русского постмодернизма», в отличие от его западного аналога, можно считать способ конструирования текстовой реальности из обрывков, осколков, из фрагментарной, взрываемой или разлагаемой на отдельные составные элементы действительности» [10, с. 311].

Постмодернистская картина мира, представляющая собой культуросферу, где разрушаются границы между текстом и не-текстом, литературой и не-литературой, между жанрами и разными областями циркуляции текстов, предлагает важный материал для исследования места и роли «чужого слова» в речевом поведении, а также высвечивает те явления, которые формируют систему культурных ценностей. В художественной парадигме постмодернизма традиционно выделяются следующие составляющие: интертекстуальность, диалогизм, открытость для любого культурного языка, что дает основание для оценки постмодернистского стиля мышления как «цитатного» и позволяет выявить определенный мировоззренческий комплекс, который получил название «постмодернистской чувствительности». Под «постмодернистской чувствительностью» понимается «характерная для философии постмодернизма (как и для культуры постмодерна в целом) парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса» [4, с. 613–614]. Данная установка представляет собой концептуальное оформление рефлексивного осмысления глубинных ориентаций культуры постмодерна, релятивизировавшего такие компоненты, как технология, политика, наука, философия, архитектура, коммуникативные стратегии и пр.

В развитии русского художественного дискурса рубежа XX–XXI вв. выделяются два вектора. Первый занимается поиском новых художественных средств выражения, вызванным потребностью в осмыслении произошедших на уровне лингвокультурного поведения перемен и стремлением к определенному синтезу в условиях глубинной полемики с парадигмой постмодернизма, приспособленной к новым культурным обстоятельствам, когда внешние приметы постмодернистского письма стали всенародным достоянием [8, с. 200–201].

Русский художественный дискурс на рубеже XX–XXI вв. перешел на новый виток развития и характеризуется тенденцией к преодолению цитатности как безличия, к восстановлению автор-

ского дискурса в хоре других «голосов», к возрождению таких традиционных поэтических приемов, как четкость композиции и равновесие между формой и содержанием. Анализ современного художественного дискурса подтверждает предположение М.Н. Липовецкого о формирующемся компромиссе между постмодернизмом и традиционализмом с возвратом к гуманистическому измерению реальности и интересом к конкретной человеческой личности [9]. Фактически в русской прозе речь идет о возврате к «человекоцентризму» и к новой искренности с учетом опыта постмодернистской поэтики; о нарративе в пространстве многослойного и разноголосого текста.

«Новая искренность», по мнению М.Н. Эпштейн, – это постцитатное творчество, когда из взаимоотношения авторского голоса и цитируемого материала рождается «мерцающая эстетика», выводящая на уровень транслиризма, который чужд как модернистской, так и постмодернистской эстетике. Эта «постпостмодернистская» (неосентиментальная) эстетика определяется «не искренностью автора и не цитатностью слоя, но именно взаимодействием того и другого, с ускользающей гранью их различия, так что и вполне искреннее высказывание воспринимается как тонкая цитатная подделка, а расхожая цитата звучит как пронзительное лирическое признание <...> Транс-сентиментальность – это сентиментальность после смерти сентиментальности, прошедшая через все круги карнавала, иронии и черного юмора, чтобы осознать собственную банальность – и принять ее как неизбежность, как источник нового лиризма» [13: 254, 256].

Второй вектор развития художественного дискурса рубежа веков характеризуется возвращением в сферу нерелективного дискурса, что можно оценивать как реакцию на мировоззренческий комплекс постмодернизма как культурного мейнстрима и одновременно – как попытку приспособиться к «клиповой культуре», которая подразумевает заметное сокращение объема передаваемой информации, повторение одной и той же мысли в рамках одной единицы контента, подачу сообщения как аксиомы, не предполагающей рефлексии и критического анализа. Одна из особенностей развития современной культуры, начиная с нулевых годов, состоит в пере-

ходе постмодернистских приемов из сферы инновационной культуры в широкие читательские круги. Одновременно с этим в век гипертекста игра с интертекстуальными механизмами стала напоминать вариации на музыкальные темы в джазе. Сама возможность существования текста в электронном виде, когда любой интертекст может быть эксплицирован при помощи гипертекстуальных отсылок, включает текст во всю систему созданных до него или параллельно с ним текстов. Если смысл линейного текста представляет собой результат иерархического упорядочения отдельных его смысловых фрагментов, то в гипертексте эта иерархия исчезает, и на место «различия» приходит «различАние» Деррида, которое подразумевает принципиальную равноправность полюсов оппозиции. Такое представление текста уже самой своей структурой, с одной стороны, обеспечивает децентрацию, а ориентация на гипертекстуальное и клиповое мышление порождает тексты, созданные по принципу словарей или энциклопедий; с другой же, идеи Ч. Пирса начинают пониматься излишне широко, поэтому идея неограниченного семиозиса в деконструктивизме оборачивается гиперинтерпретацией.

Ведущими характеристиками актуальной информации как единицы коммуникации становится ее триггерный потенциал и способность выступать сетевым контентом. Признаки, характеризующие текст в традиционном его понимании, прежде всего, как связность и целостность, т.е. способность демонстрировать качества «системы», постепенно утрачивают значение в социокультурной практике. И если Р. Барт констатировал «смерть автора», то на современном этапе развития художественного дискурса можно говорить о «смерти текста» как о тотальном процессе деконструкции, дробления и даже упрощения, когда текст, окончательно переместившись в прагматический аспект информационного обмена в различных сферах, вместо сообщения становится сигналом. Эта участь не обошла и художественный дискурс, поскольку без «смерти текст», т.е. ритуализированного акта при доминировании сетевых форм коммуникации, невозможно его включение в пространство сетевого контента.

Выводы. Каждая эпоха представляет собой набор различных, подчас противоречащих друг

другу культурных тенденций. Однако подражание мастерам, которое на более зрелой стадии может переходить в пародирование, – явление для эволюции художественных приемов неизбежное, но при условии, что процесс подражания ведет к эволюции, к глубинным изменениям сложившейся литературной системы [12; 13]. Тем не менее, как «внешнее» интертекстуальное заимствование (например, сюжетной канвы) далеко не всегда делает произведение более интересным, так и имитация нарративных приемов сама по себе не обязательно свидетельствует о стремлении автора к пародичности (в понимании Ю.Н. Тынянова), направленной на перестройку сложившейся литературной системы. Представляется, что поставленный в 90-е гг. XX в. вопрос о создании качественной беллетристики во многом стал катализатором появления произведений «промежуточных» между откровенным «чтivism» и собственно литературой художественной, что обрекло их на вечное существование в остановленном времени бесконечных повторений [5, с. 164].

В своем анализе вопроса аномалии как нормы художественного дискурса, Т.Б. Радбиль описывает идеальную коммуникативную ситуацию применительно к художественному тексту согласно следующей схеме: «аномалия в зоне говорящего» = «норма в зоне адресата» [11, с. 136]. За пределами этой модели текст воспринимается как эстетически неубедительный. Современная трансформация роли и качества текста в сетевом дискурсе была подготовлена историческими процессами рубежа XX-XXI вв. Традиционный художественный текст, вступающий в диалог с другими текстами, фиксирующий и переосмысляющий прежний и современный культурный опыт, утратил свое прежнее назначение. Наиболее очевидными характеристиками современной коммуникативной среды стали ее триггерность и контентность, вполне отвечающими ожиданиям клипового сознания. Трансформации в области текстовой деятельности в эпоху постмодерности (но уже после постмодернизма) очевидно выводят «чужое слово» за карнавал в область совершенно иных способов организации мышления, которые еще предстоит осмыслить.

1. Айзенберг, М. Н. Власть тьмы кавычек // Знамя. – 1997. – № 2. – С. 214-221.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – 277 с.
3. Берг, М. Ю. Литературократия: проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 352 с.
4. Грицанов, А. А., Можейко, М. А. Постмодернизм. – Минск: Интерпрессервис; Кн. Дом, 2001. – 792 с.
5. Данилкин, Л. А. Парфянская стрела. Контратака на русскую литературу 2005 года. – СПб.: Амфора, 2006. – 303 с.
6. Денисова, Г. В. Интертекстуальная компетенция личности: вектор культурной эволюции / Г.В. Денисова // Вестник МГЛУ. – 2018. – № 9 (801). – С. 184-193.
7. Дубин, Б. В. Слово–письмо–литература. – М.: НЛО, 2001. – 530 с.
8. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. – 492 с.
9. Липовецкий, М. Н. ПМС (постмодернизм сегодня). – 2002. – № 5. – С. 200–201.
10. Песонен, П. Интертекстуальный смех в современной русской прозе / П. Песонен // *Studia russica helsingiensia et tartuensia IV* – «Свое» и «чужое» в литературе и культуре / под ред. Р. Лейбов. – Тарту: Kirjastus, 1995. – С. 310–326.
11. Радбиль, Т. Б. Художественное слово в рамках теории языковой аномальности // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2007. – С. 311-317.
12. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – 349 с.
13. Эпштейн, М. Н. Постмодерн в России: литература и теория. – М.: Изд. Р. Элинина, 2000. – 368 с.

«ANOTHER WORD» IN MODERN RUSSIAN LITERATURE: INTERTEXTUAL REFRACTIVE VECTORS

© 2021 Г.В. Денисова

*Galina V. Denisova, Doctor of Philosophy, Head. Department of Psychology
of Language and Teaching of Foreign Languages, Faculty of Psychology*

E-mail: g.v.denissova@gmail.com

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

Subject of the article: problems of intertextual refraction in contemporary artistic discourse. *Object of the article:* "dialogue" in Russian prose of the late XX-early XXI centuries. *The goal of the project:* to actualize the ideas of M.M. Bakhtin for contemporary literary criticism. *Methodology of work:* the context of studying the scientific creativity of M.M. Bakhtin with the help of literary and cultural approaches. *Results of the work:* a parody contributing to the construction of a different artistic paradigm in the culture of the XXI century. turned out to be a rather rare phenomenon, since intertextual strategies ceased to lead to building on interpretative delimitation along the line of authorship of lyric intonation of comprehension and rethinking, transforming myths into poetry. *Field of application of the results:* a dialogue that reflected a new multi-level way of researching Bakhtin's works, as the basis for the formation of a new artistic paradigm. *Conclusion:* in the development of artistic discourse at the turn of the XX-XXI centuries. two vectors complement each other clearly stand out. The first is engaged in the search for new artistic means of expression and is caused by the need to understand the changes that have taken place at the level of linguocultural behavior and the desire for a certain synthesis. The second vector, which is a reaction to the mental and stylistic complex of postmodernism as a cultural mainstream, is characterized by a return to the sphere of non-reflective discourse. The conclusions presented in the scientific review are reasoned and logical.

Key words: intertextuality, dialogism, parody, artistic discourse.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)- 244-248

1. Ayzenberg, M. N. Vlast' t'my kavychek (The power of the darkness of quotation marks) // Znamya. – 1997. – №. 2. – S. 214-221.
2. Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostoyevskogo (Problems of Dostoevsky's poetics). – M.: Sovetskiy pisatel', 1963. – 277 s.
3. Berg, M. YU. Literaturokratiya: problema prisvoyeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature (Literature: the problem of appropriation and redistribution of power in literature). – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2000. – 352 s.
4. Gritsanov, A. A., Mozheyko, M. A. Postmodernizm (Postmodernism). – Minsk: Interpresservis; Kn. Dom, 2001. – 792 s.
5. Danilkin, L. A. Parfyanskaya strela. Kontrataka na russkuyu literaturu 2005 goda (Parthian arrow. Counterattack on Russian literature in 2005). – SPb.: Amfora, 2006. – 303 s.
6. Denisova, G. V. Intertekstual'naya kompetentsiya lichnosti: vektor kul'turnoy evolyutsii (Intertextual competence of personality: vector of cultural evolution) / G.V. Denisova // Vestnik MGLU. – 2018. – № 9 (801). – S. 184-193.
7. Dubin, B. V. Slovo–pis'mo–literature (Word-letter-literature). – M.: NLO, 2001. – 530 s.
8. Lipovetskiy, M. N. Russkiy postmodernizm: ocherki istoricheskoy poetiki (Russian Postmodernism: Essays on Historical Poetics). – Yekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 1997. – 492 s.
9. Lipovetskiy, M. N. PMS (postmodernizm segodnya) (PMS (postmodernism today)). – 2002. – №. 5. – S. 200–201.
10. Pesonen, P. Intertekstual'nyy smekh v sovremennoy russkoy proze (Intertextual laughter in modern Russian prose) / P. Pesonen // Studia russica helsingiensia et tartuensia IV – «Svoye» i «chuzhoye» v literature i kul'ture / pod red. R. Leybov. – Tartu: Kirjastus, 1995. – S. 310–326.
11. Radbil', T. B. Khudozhestvennoye slovo v ramkakh teorii yazykovoy anomal'nosti (Artistic word in the framework of the theory of linguistic anomaly) // Lingvistika i poetika v nachale tret'yego tysyacheletiya. – M.: In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, 2007. – S. 311-317.
12. Tynyanov, YU. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino (Poetics. Literary history. Cinema) / YU.N. Tynyanov. – M.: Nauka, 1977. – 349 s.
13. Epshteyn, M. N. Postmodern v Rossii: literatura i teoriya (Postmodernity in Russia: literature and theory). – M.: Izd. R. Elinina, 2000. – 368 s.